

Научно-философское наследие П.Г. Кузнецова и цели развития страны

Выступление Ю.В. Громыко на симпозиуме
«Пространство и время в эволюции глобальной системы
Природа – Общество – Человек»
(посвященном памяти Побиска Георгиевича Кузнецова),
г. Москва, 14-15 декабря 2001 г.

Название темы симпозиума в наибольшей мере соответствует огромному набору конкретных идей и результатов реализации научных программ, которые были получены Побиском Георгиевичем в работе с многими научными коллективами и друзьями. А поскольку Побиск Георгиевич постоянно находился в состоянии творческого размышления и решения проблем, то все, кто оказывался в поле его воздействия и мог откликнуться хотя бы на часть его энциклопедических идей, становились включенными в тот интенсивный мыслительный поиск и диалог, который он осуществлял, и автоматически превращались в сотрудника невидимого колледжа, группирующегося вокруг него.

Побиск Георгиевич неотрывно связан с идеями гениальной советской науки (советская наука была разной) и с жизнью той страны, которая еще существовала немногим более 10 лет назад. И хотя он действовал и жил вопреки и против официальной идеологии и несколько раз от нее пострадал, он, безусловно, работал на благо страны, ее будущего и на наиболее перспективные линии ее развития. В какой-то мере Побиск Георгиевич Кузнецов является символом советской науки, той гениальной ее составляющей, которая решала сложнейшие проблемы и предлагала нестандартные решения часто не благодаря сложившимся социальным обстоятельствам, но вопреки им, поэтому вокруг него группировались люди, которым была не безразлична судьба Родины. Поскольку Побиск Георгиевич являл собой пример человека, который может мыслить и осуществлять научное творчество независимо от складывающейся ситуации.

Но, как говорил сам Побиск Георгиевич, его всегда интересовали люди, которые образуют *Mitwelt* – являются современными собеседниками будущих поколений – и не превращаются в *Nachwelt* сразу после своей смерти – не уходят в прошлое и не исчезают бесследно, как написано на соответствующих страницах «Феноменологии духа» Гегеля. То есть люди, которые могут жить в истории и быть всегда современными. И Побиск Георгиевич Кузнецов безусловно был таким человеком – человеком, который движется сквозь время и будет живым собеседником многих последующих поколений – хотя от нас зависит, чтобы собеседники узнали его таким, какой он был.

Нам очень важно участие в данном симпозиуме Шиллер-института, поскольку ряд идей, которые были выдвинуты Побиском Георгиевичем, корреспондируют и соотносятся с рядом ключевых идей Линдона Ларуша, или ряд идей Линдона Ларуша являются очень важным контрапунктом идей П. Кузнецова. Прежде всего, это идеи роли и функции науки в мировом развитии, научно-разработческих программ в современном развитии, а также идеи антимонетаристской экономики, обеспечивающей не геноцид, но развитие человечества. Нам, конечно, важно понять не только сходство идей Кузнецова и Ларуша, но и определить их различие, с тем чтобы серьезно работать с научным наследием Побиска Георгиевича – а это возможно только в творческом диалоге и взаимодействии с уважаемыми коллегами Шиллер-института.

Мы живем в очень непростое время, когда вопрос о возможности конкретно мыслить целое и осуществлять действия в соответствии с результатами подобного мышления проверяется на прочность – цивилизация и универсум находятся в ситуации очень серьезных изменений, и от нас зависит, что будет с миром как целым.

Если говорить о наследии Побиска Георгиевича Кузнецова, то само вступление в это наследие можно понимать двояко. С одной стороны – существует множество научных задач,

появившихся благодаря деятельности П.Г. Кузнецова, и очень важно двигаться в направлении их решения. С другой стороны, существует отдельная задача освоения достижений Побиска Георгиевича, задача собственно вхождения в его наследие, для решения которой необходим очень большой труд и большая работа.

Что же составляет наследие П.Г. Кузнецова, понимаемое в этом втором контексте? В первую очередь, на мой взгляд, Побиск Георгиевич являлся гениальным разработчиком сложного метода синтетического диалектического мышления. Для данного метода мышления необходимо выявление тех процедурных форм и способов, которыми он осуществлялся. Только тогда его можно использовать, чтобы помыслить, а потом на основании этого мышления построить действие в такой сложнейшей глобальной системе, которой является универсум.

Таким образом, Побиск Георгиевич являлся пионером разработки особого принципа работы с диалектическим мышлением, которое не сводилось просто к перечислению известных формул со ссылкой на классиков, но каждый раз осуществлялась достаточно успешная попытка дать операциональное представление самого устройства мышления. С другой стороны, удивительный результат его мышления заключался в том, что он соединял философию и методологию с конкретными научно-исследовательскими разработками и с конкретными продвижениями в самых различных дисциплинах, а дальше – с реальной практикой сложнейших методов оргуправленческого действия. А с третьей стороны, за всем этим стоял антропологический проект: проект человека, его сознания, мировоззрения, мотивации, стоящих за подобным продвижением.

Если посмотреть на ведущие философские школы, которые формировались в советской философии, то прежде всего необходимо выделить Эвальда Васильевича Ильенкова, а также находящегося с ним в творческой оппозиции Александра Александровича Зиновьева и группу Г.П. Щедровицкого. Философия П.Г. Кузнецова, на мой взгляд, сформировалась за счет их проработки, интерпретации и развития работ Э.В. Ильенкова. Побиск Георгиевич дал свой ответ на те направления и вопросы развития теории мышления, которые формировались в данном круге исследователей.

Я имел счастье общаться с Побиском Георгиевичем в последние 5–6 лет его жизни. Более всего в этом общении поражало то, как он любого, кто попадал в его поле, пытался включить в круг живой дискуссии, в обсуждение тех проблем, которые его захватывали. Скажем, его последние размышления о том, есть ли противоречия в математике и как они в ней представлены в виде оппозиций и взаимно исключающих суждений. За данным размышлением, на мой взгляд, стоял вопрос о том, как ввести проблемное диалектическое мышление в математику и показать, что оно там присутствует. Другой пример – это совершенно особое понимание Гегеля, когда Побиск Георгиевич вдруг вас сразу оглушал вопросом: можно ли пространственно представить всю систему Гегеля в виде некоторого геометрического тела? И потом показывал, как движение категорий может быть представлено именно в виде пространственного тела. При этом демонстрируя спокойное понимание того, где остановился Гегель, что осталось скрыто и не объяснено Гегелем и следовательно, является важнейшей

Подобные проблемно-тематические ряды можно продолжать и далее, но здесь важно указать лишь на то, что живое мышление Побиска Георгиевича обладало очень важным моментом – схватывать и конструировать целое. С другой стороны, Побиск Георгиевич всегда демонстрировал мышление, способное ставить и решать проблемы глобального развития страны в масштабах всего мирового целого. И здесь возникает очень важный вопрос: владел ли способом мирового развития СССР, и как было устроено мышление, которое было способно, во-первых, понимать это развитие, а во-вторых, его программировать. С другой стороны, поскольку мы находимся за границей развала и распада СССР, то возникает вопрос о связи сквозь эту границу в пространстве и во времени, задаваемой с точки зрения глобального универсума. При анализе эволюции данной глобальной системы очень важна постановка нескольких принципиальных вопросов: почему развалился СССР? Что произошло с мировой системой после того, как СССР развалился? Какой мир будет формироваться и выстраиваться без

Очень важно, что эти же вопросы к русской аудитории обсуждал и г-н Линдон Ларуш. Вывод, который может и должен быть сделан из данного обсуждения, состоит в том, что СССР развалился в силу отсутствия программы нового социокультурного витка, который бы одновременно затрагивал и весь спектр геополитических и геокосмических трансформаций, важнейших научно-технических открытий, практико-технологических преобразований, социокультурных изменений жизнедеятельности населения, которые, безусловно, опираются на определенное мировоззрение.

Необходимость подобной программы даже не рассматривалась представителями Политбюро, они не были к ней готовы, она не могла быть введена в их сознание. Здесь есть, конечно, колоссальная проблема и антропологического проекта, и сознания человека. Проблема еще заключается в том, чтобы народ, население захотели осуществлять подобного типа программу, потому что дорогостоящие военные программы вне связи с полномасштабным социокультурным развитием являются сверхзатратными и разрушительными.

Сегодня как никогда важно понимать, что проблема глобального мирового целого и понимание этого целого, но с позиции России, является важнейшим вопросом; и Побиск Георгиевич неоднократно подчеркивал, что никаких целей развития России не может быть без концепции и взгляда на развитие мирового целого. Но что из себя представляет мировое целое, задаваемое с позиции России? И здесь мы должны зафиксировать следующую вещь, которая становится все более очевидной в свете попыток ставить внешние политические цели с позиции России: в настоящий момент никакого мирового развития, выстроенного и обладающего технологической и социокультурной реальностью, не существует. Поэтому невозможно куда-то встраиваться, что-то подглядеть, к чему-то пристроиться, то есть развитие невозможно ни украсть, ни перенять, ни заимствовать, а значит – необходимо этот проект развития выработать и предъявлять. В этом и заключается сегодня важнейшая миссия России – предложить миру своеобразные чертежи сложного социокультурного развития, которое всегда начинается в одной или нескольких локальных точках и становится всемирно-историческим (глобальным) феноменом, развертывающимся на территории России и Евразии. Это видение российской миссии в корне отличается от идеи реализации разработок, которые, якобы, уже лежат в виде готовых технологических пакетов, равно как и от идеи восстановления промышленности, некогда бывшей в Советском Союзе.

При этом очень важно знать, что в России уже существовал замысел нового научно-технологического и социокультурного рывка, созданный при непосредственном участии П.Г. Кузнецова. Этот замысел разрабатывался в виде методологической идеологии и реальной управленческой программы поведения Ставки Верховного Главнокомандующего на случай третьей мировой войны. Как сказал Владимир Семенович Овчинский, когда Побиск Георгиевич продумывал и протраивал эту программу, он выступал для самого себя в роли своеобразного дублера Генерального секретаря. Основной его замысел состоял в том, чтобы заставить верхушку Политбюро проиграть важнейшие управленческие решения в виде особого мыслительного эксперимента, связанного с началом третьей мировой войны, когда военно-промышленную систему необходимо рассматривать в единстве со всей народнохозяйственной системой. В ходе этого проигрывания – считал Побиск Георгиевич – руководящему составу удастся если не полностью поменять, то очень серьезно преобразовать свое мышление, а затем и дейст

Второй важнейший момент изменения управленческого мышления состоял в разработке и реализации программы управления социально-экономическими процессами на основе физически измеряемых величин. Здесь я соглашусь со Спартаксом Петровичем Никаноровым, утверждающим, что данная программа физической экономики является частной и предметной проекцией общего мировоззрения и синтетического видения, которое развивалось П.Г. Кузнецовым.

Важно обратить внимание, что по важнейшему пункту видна близость антропологических подходов Побиска Кузнецова и Линдона Ларуша: утверждение о том, что задача всякого честного научного исследователя заключается в воспроизводстве замысла Творца по поводу творения и устройства этого мира. Данный принцип, который подробно обсуждает в своих работах Линдон Ларуш, – это идея *imago Dei*, которая связана вообще с исходной идеей научного творчества.

Безусловно, для создания эффекта развития все является важным: в каких геополитических осях этот эффект складывается, что образует его фундаментально-научную, практико-производственную, финансово-экономическую, социокультурную основу. И говоря о подобном феномене развития, мы бы предпочли говорить не об устойчивом развитии – перевод термина “sustainable development” – но о самоподдерживающемся развитии, сближая его с идеями автопоэзиса и собственно самодеятельности.

Пытаясь ответить на вопрос о том, что могут из себя представлять вышеупомянутые феномены развития, необходимо выделить несколько важнейших моментов, которые представлены во всем научном творчестве Побиска Георгиевича. С одной стороны, в основе социокультурного и научно-технологического развития лежит представление о системе фундаментальных научных прорывов, которые должны быть достигнуты (тем самым осуществляется предъявление программы этих прорывов). Вторым принципиальным моментом

является представление о динамическом движении и изменении самой промышленно-технологической организации системы производства и полномасштабных производительных сил, которые включают, с одной стороны, производственный комплекс, с другой стороны, – научный комплекс, с третьей стороны, – систему образования. Третий важнейший момент – это подъем уровня жизни населения и изменение бюджета семьи, когда совершенно понятно, что преодоление демографического геноцида возможно только в том случае, если будет разработана и реализована социоэкология

Важнейший пункт, который тоже требует специального обсуждения, – это вопрос о том, как связано синтетическое мышление, осуществляющее продвижение в разных областях практики, с возможностью его реализации и осуществления действия. Здесь у Побиска Георгиевича было свое перепрочтение Гегеля, из которого следовало, что выстраиваемый им операциональный метод (достаточно сложный в реконструкции) позволял продвигаться в совершенно разных дисциплинах, достигая там получения новых результатов, а затем на основании этих новых знаний осуществлять переход к управленческому действию и к его осуществлению.

Итак, что же должно представлять мировое целое, в котором должна оказаться Россия через 25–30 лет? Основу данного целого образуют несколько социокультурных фундаментальных научных революций: энергетическая революция, связанная с обеспечением человечества дешевой энергией, достигаемая путем осуществления термоядерного синтеза и создания нового типа ядерных реакторов; биофотоническая революция, позволяющая существенно изменить представление о жизни, осуществлять лечение практически всех заболеваний, а также создавать так называемую “живую пищу”; знаниево-информационная революция, способная создавать особого типа машины, позволяющие анализировать работу сознания и принимать решения в режиме реального времени. Информационная революция предполагает очень серьезное преобразование наук о мышлении, позволяющих описывать и моделировать различные мыслительные системы и формы. Прежде всего, это касается приемов проблематизации или конструктивной диалектики, которые позволяют видеть, как взаимно отрицающие суждения могут синтезироваться за счет построения нового предмета. Данные научные революции основываются на развитии математики, включая новые типы неевклидовой геометрии, математической физики, а также на очень серьезном прорыве в науках о мышлении. Фундаментальные научные прорывы предполагают и требуют выделения слоя собственно технического и технологического продвижения практических систем России. К ним относятся новые формы организации транспорта, новые идеи широкого применения лазеров в станкостроении и машиностроении, новые принципы организации пищевой промышленности и медицины, новые принципы построения денежно-энергетической счетности, которые позволяют анализировать и оценивать эффективность всех типов практических систем с точки зрения повышения их уровня мощности.

Намечаемые модели преобразования ничего не будут значить для России и не смогут быть ею присвоены, если одновременно не произойдет существенное изменение технологической организации массовых производств. Это во многом составляет ответ на идею информационного общества, которая, как показывает группа Ларуша, является мошенничеством и особой формой обеспечения развития финансово-спекулятивного капитала. Поэтому, на мой взгляд, важна идея неоиндустриализма и в какой-то мере постинформационного общества, когда результаты информационного общества были бы рассекречены, распределены и присвоены.

Отсутствие реальных подходов к преобразованию массового производства всегда составляло ахиллесову пяту промышленных систем России, поскольку по технологическому уровню организации массовые промышленные системы России везде отстают на порядок от промышленных систем Запада. И здесь, собственно, необходимо ставить вопрос о полномасштабных производительных силах, позволяющих координировать и соединять собственно промышленное производство, систему образования, инновационно-разработческую науку, фундаментальные и прикладные научные прорывы. Но развитие и продвижение промышленных систем, с точки зрения повышения уровня их организации, оказываются бессмысленными и невостребованными населением России, если одновременно оно не оказывается включено в особую, четвертую мегаволну – продвижение, которое мы называем социокультурным сдвигом, предполагающим повышение уровня организации жизни и изменение форм жизнедеятельности больших групп населения.

Здесь мы подходим к некоторому ключевому обстоятельству. Основную идею и физическую экономику г. Л. Ларуша и программы Побиска Кузнецова «Проектирование крупномасштабных систем на основе физически измеряемых величин» мы видим прежде всего в попытке вырваться за

рамки абстрактного формально-математического экономизма. Этот выход может быть осуществлен лишь на основе проектирования и сценирования реального действия в конкретной политической ситуации. Причем мыслительным фоном подобного сценирования обязательно выступает реальное видение естественной динамики практико-хозяйственных процессов и одновременно комплексного развития всего универсума фундаментально-теоретических и практико-прикладных дисциплин. Подобное видение и сформировал П.Г. Кузнецов. Для использования этого видения в ситуации принятия политического решения необходима замена монодисциплинарной математической экономики как царицы всех политических наук и управленческих искусств на сложный комплекс развития, состоящий из огромного числа дисциплин.

Псевдообоснование – знание фиктивно и отсылочно обосновывает действие;

Выделение некоторой объективной тенденции, которой надо следовать – знание определяет действие;

Действие не исчерпывается знанием. Если же при учете знания строится независимое от него действие, то это действие нас «вытаскивает» в новую ситуацию, к новым принципам и новому пониманию и, следовательно, к новому знанию. Это и есть идея построения проектов, не исчерпывающаяся гегелевской идеей тождества Бытия и Мышления. Действие принципиально разрывно по отношению к мышлению и не тождественно ему.

Разрабатываемые проекты каждый раз связаны с конкретно программируемыми точками реального сдвига ситуации в области фундаментальных научных идей, в области технологической организации труда, в области организации жизнедеятельности. Но одновременно они включены в сценарии политического действия.

В ситуации необходимости соорганизации мышления и действия, которые разнородны и не тождественны, все дело действительно оказывается в политической воле – но политической воле другого сорта, которую Л. Ларуш называет неожиданным фланговым ударом. Если неожиданный фланговый удар отсутствует, то мы имеем дело с политической волей элементарного захвата власти – *libido dominandi* – похотением власти, которая едва ли будет лучше, чем сегодняшняя власть. Имя власти, альтернативной либералистскому экстремизму, известно – номенклатурный бюрократизм. Борьба между ними – это борьба двух разных пустых типов господства внутри одного круга запросов. И стереотипы мышления данных политических сил одинаковы. Обе группы отказываются осознанно продвигаться в ситуацию, где потребуются породить принципиально новое знание и превращать его в средство действия. Они считают, что продвигаться в будущее можно либо вообще без всякого знания, либо только если иметь конечные ответы, представленные в отработанном, окончательном готовом виде.

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть, что у России нет вариантов выбора и выхода. Один из важнейших моментов теоретического наследия Побиска Георгиевича Кузнецова состоит в том, что только наука может стать действительно движущей силой программ развития России. Если история России пойдет вне этого пути – Побиск Георгиевич именно так оценивал действия руководства страны за весь предыдущий период – то для изучения ее судьбы надо будет создавать особую научную дисциплину, которую Побиск Георгиевич, оставаясь верным себе, предложил назвать системной патологоанатомией, изучающей распад больших систем, и что с ними при этом происходит.